

Дискурсы исторической памяти в России - угасание противостояния?

Поликарпов Дмитрий

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена обзору основных элементов исторической и символической политик в Российской Федерации. Анализируется период 1990-х и 2000-х годов. Уделено внимание недавним событиям, влияющих на отечественные дискурсы. С 2000 года можно наблюдать поэтапное сжатие публичного дискурса, его ограничение и контроль со стороны государства. Выделены проблемные моменты отечественного дискурса, его специфика. Можно констатировать угасание противостояния различных дискурсов и все большее их огосударствление.

Ключевые слова: дискурсы, Россия, историческая память, историческая политика, консенсус.

Введение

Исследования темы исторической памяти, а вместе с ней символической политики и исторической политики всегда представляли особую актуальность, так как эти феномены — важнейшие компоненты, обеспечивающие стабильность любой социально-политической системы. Данные понятия связаны с идентичностью и ее кризисом. Подобным кризисам подвержены европейские страны (полемика вокруг национальной и общеевропейской идентичности, центром которой является ЕС), США (протесты Black Lives Matter, разделение общества на условных демократов и республиканцев), Россия (проблемы развития гражданской идентичности, сложности с определением “русский” и “российский” и др.). Новизна исследования заключается в обзоре основных элементов политики памяти и исторической политики, проводимой в России с 1990-х годов по настоящее время, а также в оценке сравнительно новых явлений и их влияния на отечественный дискурс. Теоретико-методологическая база опирается на концепцию символической и одновременно исторической политики.

Историческая память исследователями определяется неоднозначно, что связано со сложностью и разнонаправленностью явления: она смыкается с символической политикой и

политикой памяти¹. Возможно обобщить данные разделы в один общий — *memory studies* — междисциплинарной области, которая посвящена отнюдь не только исторической памяти прошлого². Вместе с тем историческая политика связана как с символами, так и с коллективной памятью. Она определяет, кого считать выдающейся фигурой в истории, какое событие как интерпретировать. Ввиду естественного существования различной коллективной исторической памяти существует ряд проблем в оценке того или иного явления, в учете интересов различных групп. Дискурс мы определяем как поле дискуссии — все те тексты, интервью, выступления, которые относятся к тематике исторической памяти, т.е. используем понятие в широком смысле.

Историческая память в 1990-е

Историческая политика и политика памяти в России в 1990-х годов в настоящее время не получали среди исследователей широкого интереса. Вместе с этим этот период можно назвать противоречивым. С одной стороны, происходит процесс покаяния и осуждения, налаживание позитивной повестки, институализация, с другой - многие моменты политики относительно исторического прошлого оставались долгое время без внимания со стороны политической элиты³. Происходят осуждения всего коммунистического, признаются отрицательные моменты истории СССР, создается множество НКО, которые занимаются историческими исследованиями, исследованиями памяти. Позиция официального дискурса после 1991 года менялась скачкообразно. Первоначальный тотальный отказ, который доминировал в 1990-е сменился более сдержанной оценкой в 2000-е. В период демократической эйфории (начавшейся, однако, в конце 1980-х) происходит расцвет дискуссий относительно ранее табуированных тем. Вдобавок в этот период к работе над выработкой политики памяти активно привлекался “Мемориал” будучи “союзником” государства⁴, однако в новом XXI веке его статус кардинально поменялся. По оценке А. Миллера, политика памяти в период демократизации не была одним из приоритетов государства. Ряд мер, принятых Б. Н. Ельциным, были ограниченными, дальнейший вектор развития, по-видимому, передавался следующим поколениям. Вместе с этим сам срок первого демократически избранного главы государства был противоречив. Связано это с экономическими реформами, кризисом осени 1993 года, противоборством с коммунистами (КПРФ), а также Чеченской войной. Именно в тот период не был сконструирован общий вектор, отвечающий демократической трансформации страны. В последующем этот важнейший элемент государственной политики уже в ином русле будет сформирован В. В. Путиным, в последние годы выразившийся в явном консервативном повороте.

Многие элементы и моменты исторической памяти остались без внимания со стороны политической элиты, данный недосмотр был ликвидирован в веке XXI. Роль государства в исторической политике все более возрастает в 2000-х и 2010-х. Это проявляется в противоречивой позиции относительно политических репрессий сталинского периода, использовании закона об иностранных агентах, распространении государства на те сферы, в которых в 1990-х была провозглашена относительная свобода. В образовательном кластере это выразилось в идее, высказанной В. Путиным в 2013 году относительно создания единого школьного учебника по истории России. Процесс окончательно оформился к 2016-2017 годам, когда в школах был введен

---

¹ Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова. – Текст : непосредственный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – №. 9. – С. 285-288.

² Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики / О. Ю. Малинова, В. Н. Ефремова. – Текст : непосредственный // Историческая память и российская идентичность : сборник научных трудов – Москва, 2018. – С. 115.

³ Миллер, А. И. Политика памяти в России 1990-х / А. И. Миллер. – Текст : непосредственный // *Tempus et Memoria*. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 13-18.

⁴ Там же. С. 14-15.

новый историко-культурный стандарт. Критика многообразия учебных пособий заключалась в негативной оценке учебников 1990-х, когда государство признало возможным сосуществование разнообразия такого рода литературы, в т.ч. присутствовали и некачественные издания (из-за особенностей экспертизы). Процесс формирования единого стандарта вызвал неоднозначную оценку и дискуссию в российском обществе. В своем послании Федеральному Собранию весной 2021 года проблема была вновь актуализирована В. Путиным.

В 1990-е в связи с резким разрывом с советским прошлым президентом Б. Н. Ельциным был учрежден День согласия и примирения (1996), он просуществовал как официальный праздник Российской Федерации (взамен коммунистического 7 ноября - дня Октябрьской революции) до 2005 года, когда был установлен новый праздник - День народного единства (4 ноября). Спустя 15 лет по данным исследования ВЦИОМ этот праздник и его историческую связь как скрепляющее единство россиян отмечают лишь 3% респондентов, тогда как День Победы - 69%⁵. В исследовании, проведенном годом ранее, можно увидеть, как повышалась узнаваемость праздника (в частности относительно его правильного названия). Однако среди респондентов, которые не считают необходимым праздновать этот день, самые популярные ответы — нечего праздновать; непонятна суть праздника; надуманный праздник. В целом День народного единства можно назвать успешной датой, формирующей российскую идентичность, хотя и в не в такой степени, как День Победы. Феномен Дня Победы является чрезвычайно важным символом, во многом развиваемым и контролируемым со стороны государством. Характерно использование низовой инициативы — “Бессмертный полк”, которая возникла в 2010 году в Томске в целях легитимации политического режима. Подобные шествия проводились и ранее (СССР - в 1965 в Новосибирске, в 1985 в Липецкой области; в России - в 2006 в Ухте, в 2007 в Тюмени). Однако в непосредственном виде идея была взята на вооружение государством в 2015 году, когда акция памяти приобрела национальный характер. В “новой” России уже в 1990-е элиты обратили внимание на День Победы, с 1995 года это событие празднуется на официальном уровне ежегодно⁶. Оценка Дня Победы как дня прежде всего скорби является в целом маргинальной, она не признается на государственном уровне. С т.з. государства и общества — это день памяти и победы, т.е. он имеет скорее позитивную окраску, чем негативную. В 2000-е годы происходит “возвращение государства” в область исторической политики. В 2000 году принят гимн РФ, заимствующий текст и музыку из гимна СССР, что являлось одним из первых признаков нового поворота относительно исторической памяти. Политическая элита 1990-х и последующих десятилетий во многом состояла из номенклатурных работников. Несмотря на “приток” западных ценностей, инерция авторитарного политического сознания данного социального слоя продолжается до сих пор, что отражается в мероприятиях в рамках исторической и символической политик.

Особенности отечественного дискурса

В российском публичном поле можно условно выделить дискурс “официальный” и “неофициальный”. Официальный дискурс характеризуется образным единством, общими риторическими приемами, оценками. Как правило, ключевые участники обсуждения, доминирующие в информационном поле — первые лица страны, главы некоторых общественных

⁵ Приуроченное к дню народного единства. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-narodnogo-edinstva-2> (дата обращения: 27.04.22).

⁶ Миллер, А. И. Политика памяти в России 1990-х / А. И. Миллер. – Текст : непосредственный // Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 16.

организаций (например, Российского военно-исторического общества). В свою очередь неофициальный дискурс характеризуется большей полифонией и меньшей структурированностью. С таким дискурсом связана деятельность различных общественных организаций, не связанных с государством, НКО. Примером может служить “Международный Мемориал”, ликвидированный в декабре прошлого года Верховным судом РФ. Эта организация противостояла официальному дискурсу касательно катынских событий в вопросах рассекречивания материалов и реабилитации жертв. Известна ситуация Ю. Дмитриева, которую связывают с исследованиями урочища Сандармоха и с противоречиями между “Международным Мемориалом” и Российским военно-историческим обществом. Процесс ликвидации “Международного Мемориала” свидетельствует о сжатии поля неофициального дискурса. Будучи одной из старейших организаций, посвященной памяти жертв политических репрессий, она аккумулировала в себе потребность множества потомков, репрессированных в восстановлении исторической справедливости. Вместе с тем продолжает свое существование Музей истории ГУЛАГа, занимающийся исследованиями, посвященным системе лагерей; один из двух музеев РФ, посвященных данной тематике. Однако после ликвидации “Международного Мемориала” в России остается весьма малое количество организаций, которые могут влиять на обсуждение на национальном уровне. Возникновение некоммерческих организаций без патронажа государства не представляется маловероятным, учитывая в т.ч. недавние внешнеполитические события. Это же характерно и для международного сотрудничества.

Отечественному дискурсу присуще сохранение конфликтности основных позиций по значимым общественным вопросам. Примером этого может служить дискуссия, сложившаяся вокруг западников и славянофилов еще в XIX веке⁷. Такой контраст в оценках продолжает свое существование и по сей день. Для отечественного дискурса характерна поляризация мнений и отрицание оппонентов. В нынешней национальной общественной дискуссии отсутствует консенсус по важнейшим событиям прошлого века — революции 1917 года, репрессии в 1930-е, Перестройка, эпоха 1990-х и др. Вместе с этим существуют различные оценки роли личности в истории — И. Сталина, М. Горбачева, Б. Ельцина и др. События прошлого года, развернувшиеся около дискуссии и голосования о будущем памятника на Лубянской площади, подтверждают раскол дискурса (итоги голосования — 55% за Александра Невского, 45% за Феликса Дзержинского). В этом поле обсуждения столкнулись интересы традиционалистов и левых (совместно с поддерживающими силовые институты). В некоторой степени отсутствие консенсуса связано с тем, что полноценного отказа от исторического прошлого не произошло, как это было осуществлено в некоторых странах после Второй мировой войны внешними силами. Для 1990-х характерен период полифоничности взглядов и оценок в СМИ. С 2000-х происходит поступательный процесс возвращения контроля государства над основными средствами массовой информации и формирования единой информационной политики в т.ч. касательно исторического прошлого. Естественно, что мнение индивида во многом формируется через СМИ. Однако потребление и изучение информации из одного источника чревато образованием эхо-камеры, ситуации, формирующей социальные стереотипы и укрепляющей их. В последнее время число негосударственных СМИ неуклонно снижалось, что проявляется в наложении на них статуса “иностранный агент”, а также блокировании их деятельности на территории РФ.

Нынешний официальный дискурс находится в оппозиции с условным европейским и американским. Дискуссионными вопросами являются: вклад стран в победу во Второй мировой

---

⁷ «Долгий» дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России / О. Ю. Малинова. – Текст : непосредственный // Русский национализм: социальный и культурный контекст : сборник научных трудов. – Москва, 2008. – С. 245-246.

войне, оценка советского тоталитарного режима, статус постсоветских государств и др. По второму пункту восточноевропейские страны уже в 1990-е начали формировать антагонистический дискурс через осуждение действий СССР. В то же время российская политическая элита относилась к этим действиям терпимо, не действуя в отечественной среде по аналогии. Внешнеполитический дискурс поглощен основными государственными институтами (МИД и др.) и первыми лицами государства (Президент РФ). Отношения с другими странами с 2010-х формируются антагонистично. «Болевой точкой» является вопрос о вкладе СССР в победу против стран Оси. В прибалтийских странах, Польше этот вопрос имеет полярное значение относительно российского, что связано с различием оценок о действиях Советского Союза в 1939-1940 годы. С точки зрения Латвии, Эстонии, Литвы, СССР осуществил насильственную оккупацию территорий, позиция России — принятие республик было добровольным с целью защиты государств от немецкой агрессии. В Польше доминирует негативное отношение к Польскому походу Красной армии. В 1990-е годы эти проблемные вопросы сглаживались политикой покаяния, проводимой Б. Н. Ельциным. Однако его преемник взял курс в противоположном направлении, напряженная ситуация относительно оценки некоторых событий мировой истории продолжается и по настоящее время. Ряд попыток критического осмысления этих исторических периодов в Российской Федерации чреват санкциями в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (например, за отождествление роли СССР и Германии в период Второй мировой войны грозит наказание). Учитывая особенности отечественной правовой системы и наличие судебной практики, такая мера воздействия может быть также использована не только для восстановления исторической справедливости, но и для сохранения доминирования государственного дискурса относительно исторической памяти. Относительно государственной и общественной защиты символа Дня Победы существуют правовые нормы, налагаемые за различные правонарушения (противоправные действия в отношении Вечного огня, памятников, демонстрация фото лидеров Оси во время Бессмертного полка в формате онлайн и т.д.). Подобные случаи получают широкий резонанс в публичном поле и общественное осуждение. События 1941-1945 годов являются чрезвычайно травматичными для советского и постсоветского общества, что отражается в демографической структуре современного российского социума; что объясняет социальное напряжение относительно попыток дискредитации Дня Победы.

Несмотря на лидирующее положение Дня Победы как символа легитимации политического режима и солидаризации общества, а также Дня народного единства, в России существуют и другие праздники, которые также претендуют на эти роли. Это День России (12 июня), День Конституции (12 декабря), День Государственного флага Российской Федерации (22 августа). Однако их солидаризирующая роль сравнительно ниже, чем упомянутых выше памятных дней. Относительно Конституции ситуация связана с неоднозначной трактовкой ее положений, что отражалось в общественных дискуссиях до принятия поправок в 2020 году. Вызывали вопросы положения, связанные с идеологией, ролью и статусом Президента РФ, Центрального Банка РФ. День России под таким наименованием существует с 2002 года и до сих пор не стал одним из тех символов, скрепляющих общество. По данным исследования ВЦИОМ от 2015 года, около трети респондентов (28%) считают этот день просто выходным днем, а также 30% не видят необходимости официально отмечать этот день⁸. Поэтому на настоящий момент в России можно определить однозначно точно один успешный символ — День Победы. Подобное состояние во многом связано с противоречиями относительно образа будущего. Эта проблема существует в Российской Федерации с момента распада Советского Союза. В советском обществе данный вопрос был решен, что проявлялось уверенностью в завтрашнем дне, существовавшем статус-кво,

⁸ День России: праздник с короткой историей. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-prazdnik-s-korotkoj-istoriej> (дата обращения: 27.04.22).

однако события 1991 года кардинально изменили ситуацию. В 1990-е годы были осуществлены попытки создания образа новой демократической России, одни авторитарные элементы были сохранены уже в тот период. Проект “новая Россия” в период радикальных трансформаций реализован не был, заключив в самом начале своего развития ряд противоречий, часть из них продолжает оказывать свое влияние и во втором десятилетии XXI века.

Заключение

Таким образом, с 2000 года можно наблюдать тенденцию сжатия поля дискурса, ликвидацию некоторых из них (с помощью закона об иностранных агентах, административного давления и др.). Также следует отметить радикализацию и поляризацию обсуждения, что проявляется не только “внутри”, но и “снаружи” во взаимодействиях с другими странами и НКО. Подобный процесс, на наш взгляд, не способствует реализации основных ценностей, прописанных в Конституции РФ, в частности относительно права на свободу выражения мнений. Усиливается социальная атомизация и закрытость, которые подкрепляются эффектом эхо-камер. Историческая политика в данном процессе социально-политического развития Российской Федерации является составным элементом. С учетом последних событий очевидно угасание противостояния дискурсов. Подобные явления способствуют ограничению плюралистичной исторической памяти, что не является признаком демократического государства, но способствуют консолидации социально-политической системы. Нам представляется необходимым поиск баланса между двумя этими крайностями, что позволит признавать и реализовать право личности на индивидуальную историческую память с одной стороны, а с другой — будет способствовать формированию консенсусного подхода к общему историческому прошлому, который способен стабилизировать социально-политическую систему. Однако подобный вариант в целом не поддерживается ни политической элитой, ни значительной частью российского общества. Учитывая современное внешнеполитическое противостояние Российской Федерации и значительной части Европы и Америки, следует ожидать дальнейшее сжатие поля обсуждений. Следует помнить, что область исторической политики и памяти является конфликтогенной. Не спасает положение участие научных работников и исследователей в дискуссиях по выработке позиций касательно тех или иных событий истории. Тем не менее стремиться к объективности в такой субъективной сфере возможно. Однако такой точки зрения придерживается отнюдь незначительная часть любого сообщества любой точки мира в силу действия социальных стереотипов. Вместе с этим стоит надеяться, что в будущем будут разработаны механизмы гармонизации дискурсов относительно исторической памяти в целях достижения национального и мирового консенсусов.

Библиография:

1. Воронович, А. А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах / А.А. Воронович. – Текст: непосредственный // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 167-189.
2. «Долгий» дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России / О. Ю. Малинова. – Текст : непосредственный // Русский национализм: социальный и культурный контекст : сборник научных трудов. – Москва, 2008. – С. 235-266.
3. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О .Ю. Малинова. – Текст : непосредственный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – №. 9. – С. 285-312.
4. Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики / О. Ю. Малинова, В. Н. Ефремова. – Текст : непосредственный // Историческая память и российская идентичность : сборник научных трудов – Москва, 2018. – С. 115-132/
5. Миллер, А. И. Политика памяти в России 1990-х / А. И. Миллер. – Текст : непосредственный // Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 13-18.
6. Миллер, А. И. Политика памяти в России 1990-х / А. И. Миллер. – Текст : непосредственный // Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 13-18.
7. Приуроченное к дню народного единства. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-narodnogo-edinstva-2> (дата обращения: 27.04.22).

8. День России: праздник с короткой историей. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-prazdnik-s-korotkoj-istoriej> (дата обращения: 27.04.22).

Discourses of historical memory in Russia - the fading of confrontation?

Polikarpov Dmitry

Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the review of the main elements of historical and symbolic politics in the Russian Federation. The period of the 1990s and 2000s is analyzed. Attention is paid to recent events that affect domestic discourses. Since 2000, one can observe a gradual compression of public discourse, its restriction and control by the state. The problematic moments of the domestic discourse and its specificity are highlighted. We can state the fading of the confrontation of various discourses and their increasing nationalization.

Keywords: discourses, Russia, historical memory, historical politics, consensus.

DOI: 10.18254/S241328880023117-2